

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

*ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО*

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

В. И. БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЯ АРАБСКИХ ПАПИРУСОВ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

I

Целью настоящего доклада является информация арабистов Союза, собравшихся на вторую Сессию, об имеющихся в пределах Союза арабских папирусах и о работе по их изучению, начатой у нас в Ленинграде несколько лет тому назад.

Арабские папирусы представляют собою основной источник, дающий возможность непосредственного суждения о различных сторонах культурной истории средневекового Египта, одной из важнейших провинций арабского халифата. Значение их тем более велико, что арабские повествовательные источники, на основании которых строится обычно представление об истории халифата, дают, главным образом, материал для политической истории. История экономическая и социальная ими освещается значительно менее удовлетворительно. Материалы для последней должны собираться зачастую по мельчайшим кусочкам, косвенным показаниям и намекам, и напрашивающиеся из этого мозаичного материала выводы столь же часто остаются неокончательными за отсутствием решающего материала. Этим решающим материалом обычно являются документы, столь обильные для европейского средневековья и столь скудные для средневековья арабского, по крайней мере для его первых веков. Арабские документы дошли до нас только из одной провинции халифата, Египта, если не считать уникального документа на коже, происходящего с восточной окраины халифата, из Согдианы, опубликованного несколько лет тому назад В. А. и И. Ю. Крачковскими. Египетские документы изданы пока в крайне незначительном количестве, но и то, что издано, представляет материал исключительного интереса и значения. Выяснению их состава и исторического значения посвящены работы А. Grohmann'a в „*Études de Papyrologie*“ (I, 1932) и статья докладчика, готовая к печати, почему мы остановимся только на основных категориях этих документов.

Начиная с первого дошедшего до нас арабского папируса, датированного 22 г. хиджры, и немногих десятков папирусов I в. х., представляющих официальные распоряжения наместника Египта должностным лицам, количество их растет, исчисляясь для II в. х. сотнями, а для III и IV вв. х. — тысячами. К приказам присоединяются налоговые документы, частноправовые акты, частные письма, деловые и интимные; дошли до нас также папирусы медицинского и магического содержания и литературные фрагменты. Все области общественной жизни охватываются документальным материалом. Уже сейчас для нас во многом оживлены с бытовой стороны показания арабских хроник и, что еще

важнее, становится доступной проверка этих показаний и документальным материалом — важнейшая задача источниковедения.

В связи с вопросом о происхождении наших коллекций арабских папирусов, необходимо в кратких чертах коснуться вопроса о таких же коллекциях на Западе, чтобы иметь возможность судить об их соотношении и удельном весе наших документальных материалов.

Арабские папирусы, попавшие в Европу из Египта в первой четверти XIX столетия, носили характер одиночных, случайных диковинок. Хотя они и получили заслуженную оценку со стороны крупнейшего арабиста своего времени *Silvestre de Sacy* и были им опубликованы с небольшим, ныне устаревшим комментарием, однако они не создали новой эпохи в арабистике: слишком для этого незначителен был принесенный ими материал, и слишком недостаточна была научно-историческая база, на которой могли тогда строиться сравнения и научные выводы. Благодаря этому даже *De Sacy* не мог в полной мере оценить важность попавших в его руки и изданных им документов (паспортов), и оценка их значения принадлежит более позднему времени. Только новая волна папирусов, поступившая в Западную Европу в конце 70-х годов XIX в. и совпавшая с перенесением в область ориенталистики методов классической филологии и опыта изучения древней и средневековой истории, оказалась плодотворной и создала действительно новую область арабистики — арабскую папирологию. Только применение новых для ориенталистики приемов критики источников, критического издания памятников, интерпретации текста повествовательных и документальных источников и критического исторического построения позволило сполна понять значение папирусов и использовать заключавшиеся в них исторические данные.

— Вся последняя треть XIX в. является периодом накопления новых документальных материалов, происходившего то путем случайных приобретений, то более систематически, путем посылки специальных экспедиций в Египет. В Европе за этот период создались большие папирологические коллекции, в первую очередь крупнейшая коллекция в Вене, а затем и коллекции различных размеров и неравного удельного веса в других больших университетских городах — Берлине, Страсбурге, Мюнхене, Гейдельберге, Париже, Лондоне, Оксфорде и Манчестере. На месте находок, в Египте, культурный уровень населения и национальное самосознание были еще слишком слабо развиты, чтобы оказалась возможность оценить важное значение папирусов для истории Египта и всего халифата. Папирусы на разных языках (египетском, греческом, латинском, арамейском, коптском, пехлевийском и арабском) вывозились тысячами совершенно беспрепятственно, являясь предметом торговли частных лиц, причем эта торговля в массе представляла характер варварского обращения с ценнейшими памятниками истории: с целью выручки большей суммы папирусы разрезались или разламывались на части и продавались в разные руки. Попыток образовать из папирусов национальный фонд еще не могло быть сделано.

Коллекции папирусов в самом Египте начинают создаваться несколько позднее. Образование их связано, повидимому, с деятельностью европейских ученых, живших в Египте, трудами которых были устроены Национальная библиотека и Национальные музеи в Каире и которые были первыми руководителями этих учреждений. Однако толчком к систематическому собиранию арабских папирусов послужила мировая война, после которой, в результате распада Османской империи, появился ряд арабских национальных государственных образований на Переднем Востоке и выросла и окрепла арабская интеллигенция, стано-

висящая в области научной работы на уровень строгих требований, выработанных европейской наукой. В настоящее время в Каирской Национальной библиотеке образовалась значительная коллекция папирусов, имеющая перворазрядное значение. Приросту папирологического материала содействует правительственная политика, затрудняющая вывоз археологических ценностей из пределов страны.

Также после войны происходит образование папирологических коллекций в Америке. После войны ряд американских археологических миссий работал на Переднем Востоке и в Египте, продолжая довоенную традицию еще более интенсивно. Интерес к папирусам проявился в последние полтора десятилетия особенно ярко. В настоящее время приобретение папирусов сосредоточилось в руках американцев, благодаря практикуемой ими оптовой скупке папирусов по любой цене, запрашиваемой торговцами. При таких условиях конкуренция становится невозможной, жалобы на что встречаются в европейских египтологических изданиях. Нет сомнения, что часто такая скупка и в этой области, как и в области археологии и искусства, носит характер научного снобизма, имеющего мало общего с настоящей наукой, но, во всяком случае, это содействует сохранению ценнейших научных материалов от гибели и образованию новых папирологических собраний в Новом Свете.

Немедленно же после поступления папирусов в Европу началась и научная работа над ними. Ряд ученых различных специальностей приступил к их обработке и изданию. Были задуманы периодические издания, посвященные вопросам общей папирологии, был основан папирологический *Corpus* венской коллекции, подразделявшийся по языкам. Издание греческой и коптской частей обогнало арабскую, вследствие значительно большей разработанности греческой и коптской филологии и благодаря большому контингенту ученых, занятых в области папирологии. Достаточно назвать такие крупнейшие имена, как: Wessely, Wilcken, Grenfell, Kenyon, Bell, J. Maspéro, Krall, Crum, Steindorf. Над арабской частью венской коллекции первоначально работал единственный специалист, J. Karabacek — археолог, палеограф и искусствовед, явившийся основоположником научной арабской папирологии, но относившийся к разрабатываемым им материалам исключительно ревниво, не допуская к ним других специалистов-арабистов, проявлявших к папирусам интерес. Karabacek дал ряд важных этюдов по материалам папирусов, несколько папирусов опубликовал с комментариями, но издания лежавшей на нем арабской части *Corpus'a* не осуществил, хотя материал был им уже в значительной степени подготовлен к изданию.

Одновременно с ним над берлинской коллекцией папирусов работал L. Abel, издавший два выпуска арабских папирусов в автографиях и транскрипции, но без перевода и комментариев (1896 и 1900). Несколько позже, но более плодотворно, чем два первые исследователя, историк С. Becker обработал папирусы старейшего периода гейдельбергской и страссбургской коллекций, соединив в своей работе глубокое историческое проникновение с тщательной филологической критикой материала (1906). Наконец, после войны выдвинулся как крупная научная сила и виднейший папиролог, пражский ученый A. Grohmann, ставший преемником Karabacek'a по обработке венской коллекции арабских папирусов. Ему удалось привести в порядок наследие покойного венского ученого и начать систематическую публикацию арабской части *Corpus'a* по выпускам.

В настоящее время публикацию коллекций как в Европе, так и на арабском Востоке можно считать более или менее налаженной. В Англии

в 1933 г. было выпущено в свет издание коллекции арабских папирусов в Манчестере. В Египет, за отсутствием местных специалистов, был приглашен А. Grohmann, который издал уже два тома папирусов Национальной Каирской библиотеки. Он же в Европе публикует оставшуюся неизданной часть папирусов берлинской коллекции. В Америке также приступили к обработке и публикации своих коллекций, хотя эта обработка пока еще носит специфический „американский“ характер.

Параллельно с публикацией идет использование папирусов как исторического материала. Уже Karabasek дал ряд этюдов по метрологии и исторической топографии Египта. С. Becker положил папирусы гейдельбергской и страсбургской коллекций в основу монографии о политическом и хозяйственном состоянии Египта в конце I в. х., обрисовав яркими чертами деятельность омейядского наместника Египта, направленную к восстановлению экономической силы этой провинции, являвшейся главной житницей халифата. Еще более широко привлек он доступные ему папирусы в своих этюдах по истории Египта, дав им прочное место в ряду других письменных памятников путем блестящей критики и использования их данных. А. Grohmann'ом задумано создание арабской дипломатики, прекрасно обрисованное в общих чертах в его „Введении“ к Corpus'у арабских папирусов. Им же осуществляется работа по палеографии, о которой судить мы не можем, в виду отсутствия у нас одной из основных работ этого ученого. В последние дни в Ленинграде получена работа по дипломатике арабских писем-папирусов.

По мере укрепления арабской папирологии намечается ее связь с родственными ей областями. Выясняется невозможность работать над арабскими папирусами, ограничив себя исключительно арабским материалом. Несмотря на поддержку арабского папирологического материала данными повествовательных источников — исторических и географических сочинений, даже при всей тщательности использования материала с филологической стороны, без учета данных, добытых греческой и коптской папирологией, арабская папирология была бы односторонней, так как материал лежит в области смежных культур и понять содержание арабского документа сполна зачастую можно только исходя из этих смежных данных. Это касается как внешней стороны документа (что представляет область дипломатики), так и многих вопросов по существу, например вопросов о преемственности размеров обложения населения податями, о собственности на землю в византийскую и арабскую эпоху и т. п. В отношении приближения греческого и коптского материала к арабистам представителями греческой и коптской папирологии был сделан ряд шагов. В журнале „Der Islam“ был опубликован английский перевод ряда важнейших греческих папирусов, относящихся к периоду первых десятилетий владычества халифата в Египте. Еще большее значение имеет в этом отношении фундаментальное издание греческих и коптских документов арабского периода, опубликованное отдельным томом Bell'ем и Crum'ом, с полным переводом или детальным резюме по-английски. Наконец, тот интерес, который вызвала у историков халифата публикация подобного рода материалов, побудил Bell'a суммировать важные выводы из греческих материалов в виде блестящей статьи в „Journal of Hellenic Studies“ (XXVIII, 1908). Все эти публикации значительно облегчают доступ к данным греко-коптских папирусов для папиролога-арабиста и историка халифата, однако не исключают необходимости пользования подлинником для возможности непосредственного суждения о материале.

II

Переходя к вопросу о коллекциях арабских папирусов в пределах Союза ССР, нужно отметить, что образование их, хотя и косвенно, связано в какой-то мере с именем крупнейшего русского арабиста прошлого столетия В. Р. Розена. Ему первому принадлежит информация на русском языке о коллекциях папирусов в Западной Европе, написанная в связи с VII Международным конгрессом ориенталистов в Вене в 1887 г., на котором он сам присутствовал. Статья эта была опубликована в „Журнале Министерства народного просвещения“ (ССХLIX, 1887). В ней В. Р. Розен высоко оценил значение арабских папирусов как источника для культурной истории халифата, выражая надежду на скорое их опубликование. Повидимому, интерес к папирусам у В. Р. Розена имел более глубокий характер, так как в оставшихся после него материалах, перешедших частично к И. Ю. Крачковскому, сохранились фотографии ряда арабских папирусов одной из европейских коллекций, изготовленных, видимо, по его просьбе. Однако, несмотря на интерес, проявленный основателем русского научного востоковедения к арабским документам, непосредственное собирание их в России связано уже не с его именем, а явилось делом русских ученых-египтологов В. С. Голенищева, В. Г. Бока и Б. А. Тураева и историка и палеографа Н. П. Лихачева, собиравших арабские папирусы и документы на бумаге попутно со своими специальными интересами. В результате ряда покупок создались частные коллекции, принадлежавшие упомянутым ученым. Коллекции Б. А. Тураева (ок. 1910 г.) и Н. П. Лихачева (ок. 1905—1907 гг.) находились в их владении до 20-х годов нашего столетия, когда они перешли в государственное владение, первая — после смерти владельца в 1920 г., вторая — в составе его музея, подаренного им Академии Наук в 1925 г. Коллекция папирусов В. Г. Бока поступила в Эрмитаж до революции в составе собрания коптских древностей, приобретенных этим ученым в бытность его в Египте в 1888—1889 гг. для Эрмитажа. Наконец, собрание В. С. Голенищева, вместе со всею его коллекцией египетских древностей, имеющей большое научное значение, едва не попало за границу, в виду полного отсутствия интереса, проявленного к его судьбе со стороны царского правительства. Только благодаря обращению Б. А. Тураева к Государственной Думе были изысканы средства, и коллекция была приобретена в 1909 г. в национальную собственность и поступила в 1911 г. в Музей императора Александра III в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). В настоящее время коллекции арабских папирусов находятся в Москве и Ленинграде в следующих местах: 1) коллекция В. С. Голенищева — в Москве, в Музее изобразительных искусств, 2) коллекция Н. П. Лихачева — в музее Института истории Академии Наук, в Ленинграде, 3) коллекция В. Г. Бока — в Гос. Эрмитаже и 4) коллекция Б. А. Тураева — в Институте востоковедения Академии Наук.

Всего в этих коллекциях насчитывается свыше 300 текстов различного размера. Самой богатой является коллекция Голенищева, содержащая около 190 текстов; следующей по величине оказывается коллекция Лихачева — около 80 текстов; за нею идет коллекция Бока — 75 текстов, наиболее скромной является коллекция Тураева — 15 текстов. К папирусам нужно присоединить зачастую столь же важные по значению письма и документы на египетской бумаге, появляющейся уже в X в. н. э. (III—IV вв. х.). Хорошие образцы ее дают коллекции Голенищева и Лихачева: наиболее ранние письма на бумаге из первой коллекции

датированы 341/952—953 г. и 358/968—969 г. Таким образом и в наших коллекциях можно проследить непосредственный переход от папирусов к бумаге в X в., как он еще более полно и отчетливо прослеживается в западноевропейских собраниях.

Наши коллекции арабских папирусов, приобретаемые случайно и неспециалистами, естественно, не могут равняться ни количественно, ни качественно с такими собраниями, как гейдельбергское, венское или каирское, где, как показали работы С. Becker'a, J. Karabacek'a и A. Grohmann'a, сосредоточены иногда ценнейшие качественно, хотя и небольшие количественно, коллекции (коллекция папирусов I в. х. из Кōм Эшқоу в Гейдельберге), иногда же коллекции, подавляющие и массой, и разносторонностью, и качеством материала (коллекция папирусов из Файюма и Ушмунейна, начиная с 22 г. х., свыше 18 000 арабских папирусов, в Вене). Однако и наши коллекции в общей совокупности дают немало хороших образцов, которые при должной обработке могут доставить новый материал для разрешения уже поставленных вопросов.

Наши собрания по происхождению связаны, в большинстве, с файюмским фондом, открытым в 1877 г. и поступившим в большей своей части в венское собрание, частично же — в берлинское и лондонское. Только одиночные образцы ведут нас в Кōм Эшқоу (между Тахтой и Абутигом), откуда происходят лучшие папирусы Гейдельберга. Встречаются в наших папирусах названия городов файюмского округа, откуда они и происходят: г. Файюм (Гол., I, 16, 800 v, 911 v, 914 r), ал-Лāхун (Гол., I, 16, 759 v, 827 i); более далекие города: Ушмунейн, Усйут (Гол., I, 16, 809, 811) — на юг от Файюма; Мемфис (Лих., 37 iv), Ушмун (Гол., I, 16, 862 r), ал-Фустат (Лих., 15; Гол., I, 16, 778 v, 911v) — к северу от Файюма; с последним жители были связаны делами, как с административным центром и главным городом всего Египта. Попадают и более далекие пункты: один папирус (Гол., I, 16, 788) упоминает о поездке по торговым делам в Александрию и даже в Атрабулус (Триполис Африканский).

По времени папирусы наших коллекций относятся, главным образом, к II и III вв. х. Отдельные номера относятся к I в. х. Датированных — немного, но особенности письма позволяют безошибочно разделить папирусы по векам, иногда — по десятилетиям. В процентном отношении хронологическое разделение папирусов таково: около 5% — I в. х., около 35% — II в. х., остальные 60% — III и IV вв. х. Это более или менее обычное для папирологических собраний соотношение отражает ход арабизации Египта.

По содержанию наши папирусы также примыкают к коллекциям Запада и Египта. Для I в. х. это — почти исключительно предписания наместника провинциальным чиновникам, сохранившиеся во фрагментах. Папирусы II в. — разнообразнее. Здесь мы встречаемся с земельными кадастрами то по селениям файюмского округа (греко-арабский папирус Гол., I, 16, 224, 861), то в виде индивидуальной, поименной раскладки (Гол., I, 16, 779, 785, 813 b, c, 973, 977, 988з; Лих., 3). Большой интерес представляют списки различных продуктов и материалов, выдаваемых из правительственных магазинов или частных экономий. Папирус Гол., I, 16, 759, говорит о продаже и выдаче каких-то прядильных материалов черного и белого цвета (من الابيض ومن الاسود) жителям файюмского городка ал-Лāхун. Среди получающих — частные лица, как мужчины, так и женщины, и целые промышленные заведения: упоминается выдача белого материала начальнику шелкоткацкой мастерской (صاحب المطاقس = metaxarius? — от μέταξα). В другом папирусе (Гол., I, 16, 810)

сохранился почти полный список выдач белого и черного материала различным лицам. Более конкретно называется лен (كتان). В числе получивших значится بطريقية — слово, употребление которого мне неясно: может быть, это — мастерская в помещичьем владении, патрициате. Во всяком случае, мы имеем дело с документом расходной отчетности по выдаче, видимо, прядильных материалов для работы на дому и в мастерских. Имена получающих материалы — арабские и коптские. Отчетность ведется в первом лице: „я выдал (продал) такому-то белого (черного) материала столько-то“; количество измеряется в *ритлях* и частях *ритля*; в конце подсчитаны остатки. В других папирусах мы встречаемся с выдачами продуктов (Гол., I, 16, 813 d) отдельным лицам. Такими же суммарными списками представлены и записи взносов налогов в денежной и натуральной форме (Гол., I, 16, 813 e, 854, 996 e).

Для папирусов наших коллекций периода II в. х. интересно отметить присутствие терминов, связанных с доарабской, византийской административной организацией сельского населения Египта. Первый термин *مازوت* (Гол., I, 16, 827 v) встречается в папирусах I в. х., происходящих из Кōм Эшқоу, и выяснен С. Becker'ом в его папирологических статьях. Два других — *خليفة* (там же) и *قومسي* (Лих., 3) — выяснены J. Karabassek'ом несколько раньше, в связи с более поздними папирусами. Наличие этих терминов в половине II в. х. свидетельствует об устойчивости старой административной системы в первое время после перемены династии.

Наконец, во II же веке мы можем констатировать появление частной переписки на арабском языке. Один папирус около половины II в. х. представляет письмо от одной женщины к другой с сообщением о домашних делах и просьбой поторопиться с приездом (Гол., I, 16, 914). Параллелью к этому письму является письмо двух женщин, изданное O. Loth'ом в „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“ за 1880 г. относящееся к тому же времени. Другим частным письмом является уже упомянутый выше папирус Гол., I, 16, 788, в котором сообщается о поездке по торговым делам в Александрию и Атрабулус. Однако для II в. частные письма — явление довольно редкое.

В III в. х. еще больше расширяется и разнообразится содержание папирусов, благодаря массовой арабизации местного населения. Как западные, так и наши папирусы этого периода представляют в большинстве своем деловую и личную переписку, из которой выясняются зачастую интересные бытовые подробности. В письмах к родным или друзьям, вместе с извещениями о здоровье членов семьи, сообщается об их местонахождении и занятии в данный момент. Так, в одном папирусе сообщается попутно о торговых делах членов семьи пишущего, в Файюме и Фустате, по продаже пшеницы и других товаров (Гол. I, 16, 911). В другом письме мы имеем обращение пишущего к брату с просьбой избавить его от преследования кредитора денежной помощью в 10 дирхемов, составляющих сумму долга. Из деловых документов этого периода нужно отметить расписки должностных лиц в приеме от сельских жителей взносов поземельного налога, *хараджа* (Гол., I, 16, 732; Лих., 5), причем в первой из названных расписок говорится о поместьях известного исторического лица, матери халифа ал-Муқтадира, называемой здесь просто „госпожей“ (من ضياع السيّدة), как она называется и в исторических сочинениях. К сожалению, в папирусе нет более точных указаний на местонахождение поместий. Параллелью к нашему папирусу является папирус из коллекции J. Rylands в Манчестере, изданный в 1933 г. D. S. Margoliouth'ом (№ II 1), представляющий предписание заведующему

харādжем с поместий „госпожи“. К этой же категории папирусов относятся фрагмент купчей (Лих., 4) и документ о сдаче владельцем в наем двух жилых помещений, находящихся в его доме в городе Ушмуне (Гол., I, 16, 862). Последний документ датирован 257 г. х. (870—871 г. н. э.) и является одним из самых ранних дошедших до нас арабских документов, относящихся к владению недвижимостью и земельным отношениям. Почти все опубликованные до сих пор акты землевладения и землепользования на арабском языке относятся к III в. х. и позже. Единственными исключениями являются договор о сдаче участка земли в Файюме в испольную аренду (*ал-музāра'а*), датированный 179 г. х., изданный О. Loth'ом (l. c.), и арендный договор на участок земли близ Ушмуна от 181 г. х., изданный D. S. Margoliouth'ом (№ IX 6).

Даже такой беглый, предварительный обзор папирусов наших собраний показывает, что материал заслуживает внимания, и при должной обработке его в смысле дешифровки и комментирования отдельных памятников, хотя бы и фрагментарных, выводы могут получиться интересные и значительные. Удельный вес наших папирусов повышается еще и другим соображением, а именно тем, что немного пока издано папирусов и на Западе, да и там их публикация не всегда осуществляется удовлетворительно. Так, одно издание, содержащее свыше 400 текстов и внешне изданное прекрасно, обесценено в большей своей части тем, что папирусы без дат не определены издателем хронологически хотя бы в пределах столетий; также не всегда тщательно произведена дешифровка текста.

Папирологическая работа для нашей арабистики — работа новая. Несмотря на то, что наши папирусы привлекали внимание наших крупнейших арабистов, приступить к непосредственному их изучению не удавалось. Нужно отметить сделанную до революции попытку начать эту работу в России. В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский готовили с этой целью двух начинающих историков. Однако попытка эта не осуществилась, так как один из готовящихся скончался, а второй — после окончания войны уехал на родину, где и работал в области арабистики до своего конца.

В настоящее время работа над папирусами начата у нас в Ленинграде и ведется с 1935 г. в двух институтах Академии Наук по двум направлениям. Первое — разработка общих вопросов арабской папирологии, основанная на материале, главным образом уже изданном, но с привлечением и наших неопубликованных материалов. Вопросами палеографии папирусов занята В. А. Крачковская и докладчик. Несмотря на отсутствие у нас больших и важных монографий с изданием текстов *facsimile*, что исключает возможность использования части материала и создает возможность ненужного дублирования уже проделанной работы, имеющийся материал значительно разъяснил вопросы палеографии первых веков хиджры. В. А. Крачковской была прослежена связь документального почерка I в. х. с письмом немногих дошедших до нас протоарабских надписей, что позволило подойти вплотную к проблеме генезиса арабского документального почерка и, до известной степени, выяснить существо дела. С другой стороны, прослеживая эволюцию этого почерка в I и затем, во II в. х. на датированных образцах, В. А. Крачковской удалось установить изменение характера почерка по десятилетиям, что дает надежную основу для датировки массы папирусов этого периода, не имеющих дат. Исследование ведется тем более плодотворно, что В. А. Крачковская подходит к вопросам документальной палеографии с необычной для данной области широтой, основанной на долголетнем опыте занятий арабской эпиграфикой, привлекая к разрешению проблемы

генезиса и развития документального письма всю область ранней арабской эпиграфики, а также и отдельные области семитской эпиграфики. В настоящее время работа почти закончена. Параллельная работа по изучению почерков более позднего периода III и IV вв. х. проделана и докладчиком. Результаты ее пока менее точны, в виду меньшего количества опубликованного датированного материала, но общая картина более или менее ясна. При обследовании почерков этого периода приходится обращаться к документам еще более поздним, написанным на бумаге, и к ранней книге, как к сравнительному материалу.

При изучении папирусов с точки зрения языка удалось уже наметить некоторые линии развития литературного языка, не связанного строгой литературной традицией, в сторону его вульгаризации, т. е. приближения к разговорному языку, что невозможно было для литературного языка высокого стиля. Отдельные разговорные выражения, правда, проникают и в художественные, прозаические и поэтические произведения и в историческую и географическую литературу. Однако здесь они носят характер сознательного литературного приема, так же как и довольно часто вводимые в ту же категорию произведений иноязычные слова и целые фразы. В документальном языке литературный канон почти не существовал, что широко открывало дорогу свободному развитию языка. Вульгаризация языка папирусов особенно сильной становится с III в. х. Работа над этими вопросами важна также для освещения интереснейшего процесса арабизации населения завоеванных стран. Подробнее на выводах мы не останавливаемся, так как вопросу о языке папирусов посвящена отдельная статья. Прирост издаваемого материала позволит, вероятно, расширить и углубить работу в этом направлении.

Вторая линия папирологических работ — обработка наших папирусов для их издания. Как первая стадия этой работы, осуществляется подготовка краткого инвентарного описания всех московских и ленинградских папирусов. Затем, намечена непосредственная работа по подготовке издания папирусов. Задача критического комментированного издания папирусов наших собраний связана с привлечением всего комплекса материала, который дают нам, с одной стороны, уже изданные арабские, греческие и коптские документы, с другой — богатые фактическими подробностями арабские повествовательные, главным образом исторические и географические, сочинения, посвященные Египту. Со своей стороны, и наши папирусы могут послужить документальным подтверждением или отрицанием некоторых данных, приводимых в повествовательных источниках, правдивость и обоснованность которых не всегда справедливо заподозривается исследователями и блестящая реабилитация которых, как исторического источника, была дана в разное время С. Becker'ом и И. Ю. Крачковским в критических комментариях при изданных ими документах.

* * *

За истекшие 3 года появилось несколько новых работ по арабской папирологии, принесших значительный прирост изданных материалов. А. Grohmann продолжал публикацию венских папирусов в научном органе Пражского Института Востоковедения, *Archiv Orientalní*. Там же К. Jahn'ом был издан ряд интересных писем и документов, из которых некоторые относятся к раннему периоду халифата. Эта публикация имеет характер этюда по дипломатике. Американской ориенталисткой N. Abbott опубликован ряд папирусов наместника халифа Абдалмелика,

Қурры ибн Шер̄ика, с палеографическим анализом. Впервые, в ее же издании, мы получили три папируса, происходящих не из Египта, а из Сирии, и имеющих касательство к сирийским земельным отношениям эпохи ал-Мутеваккиля. Все эти работы снабжены палеографическими таблицами. В пределах Союза — закончена, но до сих пор остается ненапечатанной, работа В. А. Крачковской по палеографии папирусов двух первых веков хиджры.¹

---

¹ К стр. 75. Коллекция арабских папирусов и документов на бумаге Н. П. Лихачева в настоящее время перешли в Институт Востоковедения Академии Наук.